

М. И. БЕЛОВ

Севернорусские жития святых как источник по истории древнего поморского мореплавания

Древнерусские жития святых — это сложные произведения церковной литературы, где наряду с полувымышленными биографиями святых отцов, память о которых, по меткому выражению В. О. Ключевского, колебалась между историей и фантазией, уживаются сведения, почерпнутые из русских летописей, актового материала, рассказов очевидцев событий. Самой ценной является та часть житий, которая представлена так называемыми посмертными чудесами святых. В. О. Ключевский считал, что «из всех частей жития описание посмертных чудес святого наиболее надежно по своим источникам», а «по литературной форме — это большей частью близкое воспроизведение наивного рассказа самих исцеленных».¹ Конечно, используя жития святых как исторический источник, необходимо проявлять осторожность, памятуя, что эти агиобиографические сочинения служили в руках церкви мощным идеологическим воздействием на массы верующих.

Внимание привлекает довольно значительная группа житий, составленных на нашем далеком Севере и содержащих важные сведения о древнем поморском мореплавании.²

Обращение к житийной литературе как к одному из источников полярного мореплавания вызывается крайней бедностью их. Дело в том, что сейчас, в результате гибели большинства гражданских архивов Поморья, имеется небольшое количество рукописей, освещающих состояние морского дела на Севере. Хозяйственные документы Соловецкого, Антоньево-Сийского, Николо-Корельского и других северных монастырей, главным образом приходо-расходные книги, содержат редкие известия о морских походах крестьян; к тому же почти подавляющая их часть относится к более позднему времени — ко второй половине XVII в., когда русское полярное мореплавание находилось в зените своего развития и насчитывало добрых два-три столетия своей истории.³ В связи с этим большое значение приобретают сведения о более ранних этапах этого примечательного факта не только русской, но и мировой истории мореплавания.

Обращение монастырских составителей северных житий к морским сюжетам вызывалось, с нашей точки зрения, двумя обстоятельствами. Одно

¹ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 438.

² Соловецкое собрание житий, использованное в данной статье, хранится в Рукописном отделе ГПБ. (В дальнейшем: Сол. собр.).

³ См.: М. И. Белов. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. — В кн.: История открытия и освоения Северного морского пути, т. I. М., 1956, стр. 53—62.

из них вытекало из географического фактора. Северные монастыри всегда были связаны с морем, а некоторые из них располагались либо на морском побережье, либо на морских островах. Таким образом, сама морская, географическая среда являлась постоянной питательной основой для житийной литературы. Другое обстоятельство объясняется тем, что, преследуя цели воздаяния на верующих, заказчики житий — монастыри стремились наполнить их актуальным материалом, понятным и убедительным в поморской среде. Помор-крестьянин мог слабо разбираться в «чудесах», совершенных где-нибудь на юге, в Киеве или Иерусалиме, зато он хорошо знал родную для него стихию — «Студеное море», со всеми его превратностями и опасностями.

Прославление «чудесных» деяний святых отцов церкви преследовало сугубо земную цель. В XVI в., когда составлялось большинство житий, монастыри, укрепившись на Севере, развернули наступление на земельные владения крестьян-общинников, тесня их с морского побережья, захватывая их угодья, распространяя свою власть на часть крестьянских промыслов. Для достижения своих корыстных целей монастыри использовали все средства, в том числе и идеологическое оружие. Например, этой цели прямо служило включенное в редакцию 1548 г. Жития Зосимы и Савватия Соловецких «чудо об юноше Анфиме», уплатившем десятину монастырю и поэтому благополучно прибывшем с моря, и о злоключениях на море его товарищей, отказавшихся внести часть своего промысла в монастырскую казну.⁴

Самым ранним из числа северных житий является упомянутое Житие Зосимы и Савватия — патროнов основанного в 1435 г. на островах Белого моря монастыря, ставшего одним из могущественных феодальных владельцев Поморья. Первая редакция этого Жития появилась в 1478—1484 гг., а вторая, дошедшая до нас, была составлена старцем Досифеем в 1503 г.⁵ Записи «чудес» Зосимы и Савватия относятся как к этому, так и к более позднему времени, во всяком случае большинство записей произведено в XVI в.

Первое «посмертное чудо» соловецких старцев на море, включенное в первые редакции Жития, т. е. появившееся не позднее первой четверти XVI в., содержит рассказ некоего монаха Муромского монастыря Митрофана, плававшего по морю. Митрофан, говорит составитель рассказа, до своего монашества «имел у себя добытки морские многие».⁶ Однажды он предпринял далекое путешествие на больших морских судах-лодьях. Это путешествие продолжалось целый месяц. Мореходы зашли так далеко, что потеряли из виду берег, находясь «в пучине моря». Митрофан указывает, что он был «в край» моря, откуда не видно «превысоких гор». Если предположить, что в данном случае под «краем» моря имеется в виду северная часть Белого моря, то это не будет соответствовать истине. Как раз северные берега Белого моря отличаются своей гористостью, особенно гористы Терский берег и берега горла этого моря. По всей вероятности, Митрофан совершил плавание в Баренцовом море, а так как известно, что он ходил на зверобойный осенний промысел, то путь его лежал либо к берегам Новой Земли и Шпицбергена, либо к осенней кромке льда, действительно расположенной на «краю» моря. В том, что помор-промышленник ходил в столь отдаленное морское путешествие, нет ничего необычного. Не случайно на европейских картах XVI в. появились русские названия

⁴ Сол. собр., № 1384/16, лл. 119 об.—122.

⁵ В. О. Ключевский. Древнерусские жития. ., стр. 270.

⁶ Сол. собр., № 1384/16, л. 36.

островов в районе Шпицбергена. Один из них носил название «Марфин остров», а целая группа островов на карте 1569 г. Г. Меркатора названа «святыми русскими».⁷

Плавание Митрофана, датируемое первой четвертью XVI в., «в край» Баренцова моря — новое свидетельство того, что намного раньше «официального» открытия Шпицбергена В. Баренцом (1596 г.) морские пути к нему были ведомы нашим отважным поморам. В следующем «чуде» Зосимы и Савватия повествуется об одном, очевидно, хорошо известном в Поморье случае зимовки двух промышленников на Шужмай (ныне — Жужмуй) — острове Онежского залива. Сюжет этого рассказа перекликается с известной повестью XVIII в. о четырех русских матросах, занесенных на необитаемый остров Шпицбергеновского архипелага, где они провели четыре года и три месяца.⁸ Необходимо отметить, что рассказ о двух робинзонах-зимовщиках, изложенный в Житии, подан в более реалистической манере, чем в повести XVIII в., где много вымышленных ситуаций. Вот что вкратце рассказано в Житии о зимовке на Шужмае.

Около этого необитаемого острова, расположенного к югу от Соловков, осенью разбило судно двух промышленников. А так как время было позднее и возвращаться на сушу было не на чем, промышленники зазимовали. Не ясно, чем питались они, так как продовольствие и все их снасти погибли во время кораблекрушения. Прошла зима, и только весной к острову прибыло судно, на котором были соловецкие монахи Савватий и Феропонт. Монахи застали на острове такую картину: «В некоем месте при Камени храмину малу, в ней же два человека нага и гладна и ногам их гниющим зело. Токмо еле живы».⁹ Завидев своих спасителей, люди «начаша кричати» от радости.

После того как робинзоны несколько привыкли к пище, которую им давали понемногу, монахи посадили их в судно и пошли назад. Путешествие на Соловецкий остров прошло не без труда: малая монастырская лодыца едва пробилась среди тяжелых льдов. Так закончилась эта первая из известных нам героическая зимовка почти у самого полярного круга двух храбрых поморов. Церковь объясняла благополучный исход ее вмешательством старцев Зосимы и Савватия, которые якобы приходили на остров зимой и оказали им помощь. Но даже из Жития видно, что не очень-то щедрой была эта «помощь», если монахи застали зимовщиков в столь плачевном состоянии. Благополучный исход зимовки — всецело заслуга самих поморов, привыкших переносить лишения и невзгоды; все же остальное — выдумка монаха-книжника.

В «чуде о брате Протасии и о страждущих человецех в седми судех» говорится, как семь поморских судов, будучи на весновальном промысле в Белом море, попали в несколько необычный ледовый плен. Монах Протасий, в прошлом промышленник-зверобой, рассказал, что в первый день пасхи «прииде на нас буря ветреная велия и трус велик в море, и подвижеса море от зельного дыхания ветренога». Случилось это во время стоянки судов у кромки льда. «И нача быти подо льдом зыбь велика, яко не мощно нам на леду стояти от нужда волн морских».¹⁰ Затем суда отнесло ото льдов и бросило в открытое море. Промышленникам угрожала смерть. Даже старые и опытные мореходы, говорит Протасий, увидевшие всякие виды, «не упомнят такова и толика труса морскаго». Спустя несколько дней суда

⁷ М. И. Белов. Арктическое мореплавание..., стр. 67.

⁸ Ле Руа. Приключения четырех русских матросов на Шпицбергене. Л., 1933.

⁹ Сол. собр., № 1384/16, лл. 80 об.—85.

¹⁰ Сол. собр., № 1384/16, лл. 152 об.—155 об.

прибило к Соловецкому острову. Здесь обстановка неожиданно осложнилась. С моря на суда двинулись лавины льдов. Промышленники приготовились к самому худшему исходу. Но в этот момент произошло «чудо». Обступив суда с трех сторон, движущиеся льды вдруг остановились, образовав между собой и льдами, находившимися у острова, полынью свободной воды, в которой укрылись шесть лодей; седьмое судно задержалось и было раздавлено. Семь дней продолжался ледовый плен. На восьмые сутки льды расступились, дав промышленникам возможность продолжать свой путь.

Подобные природные явления, объясненные в Житии вмешательством высшей силы, однако, не представляли ничего сверхъестественного. Вероятнее всего, двигавшиеся с моря льды своими краями уперлись в припай, полосу стоящего у берега острова льда и таким образом образовали свободный водный бассейн.

В других «чудесах» Зосимы и Савватия имеются некоторые сведения об оснащении морских судов того времени. В «чуде о человеке утопшемся с лодьи на море»,¹¹ сообщается о парусном устройстве лодьи, дававшем возможность ходить не только с попутным, но и «покосным» ветром, т. е. бейдевиндом (направление судна круче полуветра). Обычно же считается, что поморы в XVI—XVII вв. не умели пользоваться боковыми ветрами.

В «чуде о Иякове»¹² упоминается, что в оснащение лодьи входил карбас как палубное вспомогательное судно, а в «чуде о Федоре Парфеньеве»¹³ — железные якоря, употреблявшиеся во время отстоя судов.

Некоторый интерес представляет помещенное в Житии Зосимы и Савватия «Сказание о солнечном течении, како бывает в Западных странах»,¹⁴ являющееся первым в страноведческой литературе русским сочинением, автор которого задался целью определить особенности арктической природы, исходя из наивного понимания гелиоцентрической системы. С его точки зрения, наиболее отличительным признаком северных областей от южных является полярная ночь и день. В «Русской Земли в Сиверной стране, на концы вселенныя, — писал автор «Сказания», — день убо схождаше (продолжается, — М. Б.) в четыре скудны часы в зимнее время. Ночь же тако же в летнее время от солнца до солнца по книзе светло видети».¹⁵ Он наблюдал, как солнце «вкупе» с луною видимы в одно и то же время, и звезда (речь идет, очевидно, об одной из планет) «пред солнцем» идет на виду у всех.

Не менее ценными как своеобразный источник являются жития и повести о поморских святых, составленные в конце XVI и первой половине XVII в.; среди них «чудеса» Ивана и Логина Яренгских, повесть о Варлааме Керецком, житие Иринарха — игумена Соловецкого монастыря, житие Антония Сийского — основателя одноименного монастыря, житие Трифона Печенгского — основателя Печенгского монастыря, житие Елизара Анзерского — основателя скита, и др.

«Чудеса» Ивана и Логина Яренгских даны в форме распросов крестьян-поморов, произведенных в 20-х годах XVII в. по указанию патриарха Филарета среди крестьян Ненакоцкого и Лудского усолья, Мокшенги, Николо-Корельского монастыря и в других местах.

Дело о Иване и Логине Яренгских возникло в связи с тем, что в 1572 г. на Яренге, при церкви Николы, якобы явились «святые чудо-

¹¹ Сол. собр., № 1384/16, лл. 131 об.—132 об.

¹² Сол. собр., № 1384/16, л. 140—140 об.

¹³ Сол. собр., № 1384/16, лл. 107—108 об.

¹⁴ Сол. собр., № 1384/16, л. 132—132 об.

¹⁵ Там же.

творцы», которые к тому вермени и позднее совершили в Поморье ряд «чудес».

2 декабря 1626 г. Архангельского города стрелец Терентий Филиппов Тырлов под присягой сказал, что в 1606 г. в команде стрелецкого сотника Смирного-Чертовского, на лодье пятидесятника Шестого Лодыгина, вместе с 50 служилыми людьми, он был послан в Кольский острог.¹⁶ Во время морского плавания на отстое лодья попала в страшную бурю и стала тонуть. Избавление пришло от Ивана и Логина Яренгских, якобы явившихся стрельцу на корме судна.

Промышленник Княжоостровской волости Пятый Юрьев 4 декабря 1626 г. сказал, что в 1593 г. с Терской стороны на семи лодьях он вместе с промышленником Стефаном Поваровым возвращался в родные края и попал в шторм. Два дня и две ночи носило суда по морю. Штормом сломало мачту, изорвало парус, шесть лодей погибло на море («разбило и по берегу разметало»). Он спасся только благодаря «чудесному» вмешательству Ивана и Логина.

Эти свидетельства мореходов интересны тем, что рисуют картину довольно развитого в конце XVI в. поморского судоходства в Белом и Баренцовом морях.

В житии Иринарха содержатся несколько весьма метких и ярких зарисовок поморского зверобойного промысла.

В первом «чуде» Иринарха рассказывается, как «на промысел морских кож и сала» ходили с Двини «по обычаю» две ромши — промышленные артели, обычно состоящие из пяти карбасов по четыре человека в каждом. Чаще всего ромши составлялись для весновального промысла у Летнего, Терского берега Белого моря.¹⁷ Во главе артелей стояли два юровщика (управляющие ромшею промышленники), «в том промысле сведущих и скусных людей».¹⁸ А остальные промышленники, сказано в житии, «им послушны суть». По окончании промысла, «егда же с торосу на море судами спустишася», разразилась буря, суда вместе со льдом вынесло «в морскую пучину далече и носило в тех льдах многие дни». Первая артель была отнесена к зимнему берегу Белого моря, т. е. на противоположную сторону моря, другая — к Анзерскому острову.

В этом рассказе имеется одна любопытная деталь: упоминание о торосах, морских льдах, на которых производился промысел. Это упоминание — одно из самых ранних в поморской литературе. Оно свидетельствует о том, что, во-первых, в Поморье XVI и начале XVII в. уже была известна определенная классификация льдов и что, во-вторых, уровень поморского ледового мореплавания того времени был достаточно высок.

В другом «чуде» Иринарха повествуется о промысле морского зверя на самой льдине. Некая промышленная артель ходила весной в море и после долгих поисков залежек зверя обнаружила льдину, «длиною на версту или мало больше».¹⁹ Немедленно суда были втащены на льдину и приготовлены к промыслу. Настала ночь, люди легли отдохнуть, укрывшись «буиной» — грубым полотном. По обычаю, когда артель ложилась спать, кто-нибудь из промышленников оставался караулить. Усталость была так велика, что сторож задремал. Во время сна к нему якобы явился старец Иринарх и приказал, чтобы промышленники немедленно поднялись, так как на льдину пришли тюлени. Вот как описывается дальнейшая

¹⁶ Сол. собр., № 182/182, л. 138.

¹⁷ А. Подвысоцкий. Словарь Архангельского областного наречия. СПб., 1885, стр. 148.

¹⁸ Сол. собр., № 238, л. 4.

¹⁹ Сол. собр., № 238, л. 6 об.

картина действий зверобоев: «Дружина же, слышавше речения от подруга своего, открыв суда своя, начаша смотреть на лед: и се видят множество зверей многое. А быв в единых срачицах и в чулках, сходят на льдину и начинают избивать зверей оных, их же избиваше толико, колико им потребно было».

В «чудесах» жития Антония Сийского, составленных в середине XVII в.,²⁰ рассказывается об осеннем ледовом дрейфе монастырской лодьи. На лодье находилось двадцать работников под командой сына боярского Гаврилы Григорьева. От устья Двины со льдами лодья была вынесена в море. Случилось это 8 ноября. «А на мори уже льды густые, исполнено великих льдов, осенняя ради студени и многих ветров».²¹ Будучи в дрейфе, лодья претерпела ряд бед; льдами и ветром отломило «кормило правильное, им же окормляешся лодья», порвало снасти и утопило якори. Промышленники решили бросить судно и на лодейном карбасе выйти на берег. После ряда приключений они едва добрались до берега, а через несколько дней в районе «высоких гор», очевидно, к Зимнему берегу придрейфовало и их лодью, оставшуюся, несмотря на сильное сжатие льдом, целой и невредимой.

В «Повести о Варлааме Керецком»²² имеется несколько ценных наблюдений над природой арктических морей. Варлаам служил в Кольском остроге, в церкви Николая, совершил злодеяние — убил свою жену и, чтобы искупить свою вину, решил отправиться в море на карбасе. Плавание Варлаама продолжалось долгое время — несколько лет. Ходил он от Колы до Керети и обратно, «весел не опускаючи». Однажды он пришел к Святому Носу (Мурманское побережье), который славился тем, что считался у поморов непроходимым, «тому быть ради множества червей морских, иже творяху многие пакости над лодьями мореходцем».

Упомянутые «морские черви» — это морские древоточцы, морские живственные, могущие за одну навигацию вывести из строя судно. Обычно во время стоянки судна они присасываются к его деревянным частям, прогрызая в них отверстия диаметром до полсантиметра и больше. Сейчас для предупреждения порчи древоточцами деревянных частей судов применяются различного рода яды,²³ которых в XVII в. не знали.

Несколько неожиданным является сообщение Варлаама о множественности древоточцев у Святого Носа Баренцова моря. Известно, что в северных морях древоточцы почти не обитают. Благоприятная среда их размножения имеется в фауне южных и дальневосточных морей. Надо полагать, что благоприятные условия для существования древоточцев у Святого Носа создавало заходящее сюда теплое течение Гольфстрима (Гольфштрема), влияние которого на окраинные арктические моря в XVI в., видимо, было сильнее, чем сейчас.

Героическую борьбу со льдами рисуют «чудеса» Елизара Анзерского,²⁴ из них наиболее интересно «чудо об отце Исаии от потопления».²⁵

Поддержание постоянной связи между Соловецким монастырем и расположенным к северо-востоку от него Анзерским островом представляло большую трудность, в особенности в зимнее время, когда Белое море покрывалось льдом. В «чуде об отце Исаии» рассказано о зимнем плава-

²⁰ В. О. Ключевский. Древнерусские жития... стр. 300—301.

²¹ Сол. собр., № 230, л. 296.

²² Сол. собр., № 182/182, лл. 155—161. Составлено в 60-х годах XVII в. (В. Ключевский. Древнерусские жития... стр. 341).

²³ П. К. Божич. Защита дерева от морских древоточцев. М., 1939.

²⁴ Сол. собр., № 185/185, лл. 17—18, 23.

²⁵ Сол. собр., № 185/185, л. 23.

нии этого монаха от Соловков к Анзерскому скиту и обратно — факт, заслуживающий самого тщательного рассмотрения, тем более что о плавании Исаии говорится как об обыденном деле. Даже в наше время зимние плавания довольно редко осуществляются в Арктике, причем ни одно судно не решится войти в зимний лед без сопровождения ледокола. Но приведенный рассказ жития показывает, что во всяком случае монахи Соловецкого монастыря ходили по морю на своих углых лодьях в течение всей зимы. Вполне допустимо предположить, что такие плавания совершали и крестьяне Поморья, опыт которых был использован монастырем. Как объяснить то, что деревянные суда XVI в. смогли проходить в зимних льдах? Дело в том, что зимние льды Белого моря благодаря сильным приливно-отливным течениям подвержены большим разряжениям, которыми и пользовались поморы. Разумеется, пользоваться этими природными явлениями, изучение которых до сих пор составляет одну из задач гидрологической науки, можно, познав их. В XVI в. поморы знали о зимних приливно-отливных течениях Белого моря настолько, что безошибочно водили свои суда по морским разводьям. Конечно бывало и так, что природа приговаривала неожиданные трудности, как это случилось во время плавания монаха Исаии. Возвращаясь назад, к Соловкам, он «обретоша лед расточен. Та же вземше лодийцу и начасты плиты». Но Исаия не рассчитал: у берега Соловецкого острова образовался широкий припай («к берегу леду бо многу прикрепившуся»). Пришлось бросить лодейку и идти по льду пешком. В это время льдину оторвало от берега и понесло в море.

В житии Елизара Анзерского есть еще несколько эпизодов из ледовых плаваний поморов. Некоторые сведения о морских походах колян содержатся в житии Трифона Печенгского. Однако обозрение и анализ всех этих и других не упомянутых здесь «чудес на море» не входит в задачу настоящей статьи.

Изложенные выше материалы дают основания уже сейчас сделать следующие выводы.

1. Севернорусские жития святых содержат красочные рассказы, единственные из сохранившихся до наших дней, о героических плаваниях поморов в Белом и Баренцовом морях в XVI—XVII вв.

2. Житийная литература рисует картину развитого судостроения и судоходства Поморья. Она подтверждает выводы тех исследователей, которые считают наших поморов пионерами, зачинателями ледового мореплавания в Северном Ледовитом океане. Внимания заслуживают сообщения, касающиеся плаваний поморов в зимний период. Этот наиболее сложный и трудный вид арктического судоходства получил широкое применение в бассейне Белого моря. При плавании в зимних льдах поморы научились учитывать приливно-отливные течения. Опытом зимнего судоходства располагала в то время и значительно позже только наша страна.

3. Уровень полярного судостроения нашего Поморья XVI в. характеризуется умением северных судостроителей создавать такие корабли-лодья, которые могли ходить не только по чистой воде, но и среди льдов. Лодья — это большое, поднимающее свыше 50 человек и большой груз судно, оснащенное парусами, могущими использовать боковые, «покосные» ветры. Лодья имела палубу, палубные вспомогательные лодки-карбасы. В число ее «судовых снастей» входили железные части, например якоря. Лодья обладала специальными ледовыми обводами в форме яйца, что давало ей возможность избегать сильного сжатия и выжиматься на поверхность льдов. Об этом, в частности, свидетельствует случай с лодьей сына боярского Гаврилы Григорьева, уцелевшей во время сильного сжатия благодаря именно этим ее качествам.